

Основы концепции славянства, русской литературы и чешско-русских литературных связей у Й. Йирасека (Несколько заметок и комментариев)

Иво Поспишил (Брно)

В одной статье, посвященной феномену Центральной (Средней) Европы, я коснулся и проблематики средневропейского литературоведения, связанного с деятельностью восточных славян, точнее русских или русскоязычных исследователей.

Именно сфера литературоведения показывает, что Средняя Европа формировалась не только географическими средневропейцами, но и представителями восточных славян. Связь средневропейских университетских и научных традиций, а также восточнославянской традиции общения и научных обществ, политических и научных кружков сыграла большую роль в процессе возникновения Пражского лингвистического кружка. Как оказалось, именно межвоенная территория Чехословакии благоприятствовала слиянию и своеобразному компромиссу между технологическими и более мягкими методами, связанными с „Geisteswissenschaft“. Так, в частности, профессор Сергей Вилинский, работающий в Университете им. Масарика в Брно с середины 20-х годов XX века, как бы символически соединил традицию филологического метода в рамках медиевистики, особый вид феноменологии (в зимнем семестре 1913 г. он преподавал молодому М. Бахтину в Новороссийском университете в Одессе) и историческую поэтику; деятельность Романа Якобсона, выпускника Московского университета, как одного из организаторов ПЛК, достаточно хорошо известна. Особые методологические сдвиги в сторону исторического компромисса между психологическими и имманентными методами наблюдаются у Рене Уэллека (его учителями были чешский германист, поэт, переводчик и литературовед психологической ориентации Отокар Фишер, а также лингвист-англист, структуралист Вилем Матхезиус).

Интересное явление представляют как бы периферийные личности, в частности первый чешский и моравский историк русской литературы, переводчик Алоис Аугустин Врзал (1864-1930), полонист, русист и украинист-литературовед Мечислав Кргоун и несколько литературоведов-учеников основоположника брненской

литературоведческой славистики, профессора Франка Вольмана, методология которого (эидология) связана с Пражским лингвистическим кружком и чешским структурализмом.

Вместе с развитием своеобразной культурной, духовной атмосферы на территории Средней (Центральной Европы) образовалась и особая литература, связанная с ее судьбами, насыщенная специфическими приемами, темами, мотивами, персонажами и проблемами. Именно специфическая культурная атмосфера Средней Европы способствовала формированию личностей, сверхчувствительных к разным менталитетам и манифестациям мультинациональных и мультикультурных начал. Однако ареал Средней Европы не был сложным только с ментальной и культурной точек зрения; огромные политические сдвиги XX века повлекли за собой испытания характеров и трагедии человеческих судеб. Общественные катаклизмы и последствия революционных переворотов воздействовали на ареал Средней Европы прежде всего в межвоенный и послевоенный периоды.

В 1874 году благодаря инициативе Матице Моравске (Matice moravská, напечатала „Akciová moravská kněhtiskárna“) выходит в свет первый том издания *Славянские поэзии (Slovanské poezije)* с подзаголовком *Избранное народной и новой (искусственной) славянской поэзии в чешских переводах (Výbor z národního a umělého básnictva slovanského v českých překladech)*. Первый том называется *Русская поэзия (Ruská poezije)*, его составителем, автором комментариев и историко-литературных введений был известный брненский самоучка, филолог, автор нескольких учебников иностранных языков¹, **Франтишек Вымазал** (1841-1917).

В чешской антологии русской поэзии Ф. Вымазал использовал существующие переводы, дополнил том своими собственными переводами и портретами отдельных авторов. Свою книгу он посвятил „самоотверженному защитнику наших прав (*т. е. прав чешской нации – замечание мое*), благородному господину Егберту, графу Белкреди.“

¹ Чешская грамматика для немецких средних школ и учреждений по образованию учителей (Böhmische Grammatik für deutsche Mittelschulen und Lehrerbildungsanstalten, 1881), Грамматические основы сербского или же хорватского языка (Gramatické základy jazyka srbského čili charvátského, 1895), По-еврейски легко и быстро (Hebrejsky snadno a rychle, 1897), По-литовски легко и быстро (Litevsky snadno a rychle, 1902), По-английски легко и быстро (Anglicky snadno a rychle, 1902), см. также пособия по разговорной практике, например, Чех, разговаривающий с французом (Čech s Francouzem rozmlouvající, 1902) и Чех, разговаривающий с русским (Čech s Rusem rozmlouvající, 1902).

Существенным вкладом Ф. Вымазала было акцентирование силы славянской фольклорной традиции; он подчеркнул, как великорусская и малорусская (украинская) литературы берут свое начало из народной поэзии: „Zběžný pohled na básnictvo kmenův slovanských ukazuje nám jakousi rovnováhu mezi národní a umělou poezií; čím déle se totiž zachovala a čím bujněji rozvila poezije národní, tím později klesí si dráhu poezije umělá. Tak honosí se Polska téměř jen básnictvem umělým, kdežto slovanský jih a východ nevyčerpanou hojností epických a lyrických básní se ozývá.“ (Вымазал, с. I). Составитель, разумеется, полностью убежден в подлинности знаменитых чешских раннесредневековых рукописей (Краловедворской и Зеленогорской), свызывая их воедино с подобными памятниками восточных и южных славян. В первом томе Ф. Вымазал уделяет внимание былинам и *Слову о полку Игореве* – здесь он прибегает к чешским переводам Лангера, Гебауэра и своим собственным, которые явно преобладают. Составитель *Русской поэзии* не забыл даже *Повесть о горе-злочастии*; кроме того наряду с эпическими произведениями он уделяет пристальное внимание и песенной любовной лирике, козацким а разбойничьим песням (переводы Ф. Л. Челаковского). Следует отдать должное Ф. Вымазалу и в том, что он блестяще обнаружил характер русской народной поэзии и ее главные темы, насыщенные трагизмом, грустью и осознанием ограниченных человеческих способностей в необозримом российском пространстве. В переводе К. Я. Эрбена приводится *Слово о полку Игореве*. Новый этап развития русской литературы представлен, в частности, произведениями Ломоносова, Державина, Дмитриева, Крылова и др. Наиболее яркий представитель русского романтизма В. А. Жуковский представлен балладой *Светлана* – реминисценцией и трансформацией *Леноре* Г. А. Бюргера, которую русский романтик сам перевел и еще по-другому обработал. Составитель антологии также не обошел вниманием современников и предшественников Пушкина (К. Н. Батюшков), декабристов (К. Ф. Рылеев). Выбор произведений для сборника свидетельствует о том, что его излюбленным поэтом был уроженец Воронежа, деревенский поэт-самоучка А. В. Кольцов (в разных переводах он в антологии занимает 17 печатных страниц, т. е. больше, чем, например, Н. Некрасов). Причина этому, вероятно, заключается в том, что Вымазал предпочитал устную народную словесность и ее подражания искусственной поэзии. Ф. Вымазал не мог не быть дитятею своего времени. Он выбирал, прежде всего, стихотворения на политические, национальные и славянские темы. И Ф. И. Тютчев характеризуется им как поэт славянской взаимности (стихотворения *Славянам* и *Вацлаву Ганке*), хотя –

объективно говоря - он как поэт, в первую очередь, остается скорее поэтом природных катаклизмов, смерти и трагической любви.

Следует обратить внимание и на то, что А. С. Пушкин занимает в антологии Ф. Вымазала почетное место, хотя комментарий к нему сравнительно короткий и неоригинальный. Кажется, однако, что Ф. Вымазал был полностью согласен с не очень положительной оценкой поэта, которая базировалась на русских источниках. Пушкин находился, пишет составитель антологии, „в плену“, из которого Николай I велел его вернуть, чтобы стать его цензором. Пушкин не был, пишет Вымазал, поэтом первоклассным, но на Руси явился в качестве метеора. Только позже он достиг определенной степени оригинальности. В *Евгении Онегине* поэт находится под влиянием Байрона, *Евгений Онегин* как и *Дон Жуан* являются бесформенным плодом, странной смесью лирики и эпоса, действия и философии, подлинности и осмеяния – это, пишет Вымазал, читатель воспринимает с трудом. Напротив, *История Пугачева* и *Капитанская дочка* считаются зрелыми плодами искусства Пушкина, в них более выражен народный дух (Вымазал, с. 88). Кроме пейзажной и философской лирики Вымазал включает в антологию *Сказку о золотой рыбке*, *Братьев-разбойников*, *Полтаву* и отрывки из *Евгения Онегина* (в частности, Письмо и сон Татьяны). Составитель включил и спорное стихотворение *Клеветникам России*, в котором, как известно, Пушкин критикует вмешательство европейских держав в польско-русский конфликт в связи с польским восстанием 1830-31 гг. Некритично приняты взгляды и акценты, отражающиеся и в выборе стихотворений, свидетельствующие о предпочтении Вымазалом Пушкина как исторического и политического поэта; философские аспекты очутились на заднем плане. Поэт представляется не как защитник свободы и скептический декабрист, а скорее как русский национальный, может быть, и государственный поэт, поддерживающий государственную политику: и это, однако, своеобразно отражает, многосторонность, многогранность пушкинских воззрений и их амбивалентность.

В широком контексте чешских исследований русской литературы и русско-чешских литературных связей Й. Добровского, Й. Юнгманна, П. Й. Шафарика, К. Я. Эрбена, В. Ганки и др., специфическое значение имеет творчество Йосефа Йирасека (1884-1972), отдельных аспектов которого затронем в настоящих замечаниях. Оно по своему характеру стоит на грани научного и популярного: Йирасек зачастую ориентируется на обзорные статьи и комплексные очерки, компиляции и популярный синтез. С точки зрения методологии Йирасек представляет собой смесь эклектизма,

основанного на позитивистских подходах, архивных расследованиях и воздействии *Geistesgeschichte* и *Ideengeschichte* с особым психологическим и нарративным уклоном. Йирасек, прежде всего, рассказчик историко-литературных историй, занимательных – и научных - сюжетов. Не случайно в 70-е годы XX века в бывшей Чехословакии, хотя тогда по известным объективным и субъективным, в том числе политическим причинам, был явный недостаток обзорной литературы по русской письменности, наши преподаватели не очень рекомендовали известный, но устаревший труд Й. Йирасека *Обзор истории русской литературы* (в 4 томах)², объясняя это, прежде всего, его излишней популяризацией и якобы ненаучностью..

Именно эта книга сыграла в свое время важную роль в формировании представлений широкой чешской общественности к русской литературе. Разумеется, что Йирасек исходит из своих предшествующих статей и книг, излагающих, прежде всего, проблемы чешско-русских культурных и, в особенности, литературных отношений. Следовательно, его концепция может казаться мало литературной, т. е. в смысле яacobсоновской „литературности“, литературной специфики, основанной на приемах русской формальной школы. Йирасеку близок, с другой стороны, более широкий культурный или культурно-политический круг, он исходит скорее из культурных эпох, тесно связывающихся с политико-экономическими данными и развитием общественной структуры в целом. То, что сначала казалось в сопоставлении с технологическими приемами устаревшим, исходящим из традиции немецкой *Ideengeschichte* или *Geistesgeschichte*, выглядит в настоящее время в контексте литературоведческой методологии ареальных исследований почти современно, как своего рода прогрессивная инновация. Язык автора, хотя с того времени немного устарел, принадлежит, в основном, к свежему пласту литературного эссеизма, его изложению не чужд социологизм и психологизм, обстоятельное знание культурной и общей историографии восточных славян в контекстуальном европейском понимании. Все это свидетельствует о своеобразной, хотя теперь скорее исторической ценности этого обзора русской литературы, в котором особое внимание уделяется и пространственному аспекту (Киев – Москва - Санкт-Петербург – Москва), т. е. воздействию российского пространства как динамического, гибкого фактора формирования культурного и литературного развития и процесса в смысле известного изречения П. Я. Чаадаева в его первом *Философическом письме* (1836) и в *Апологии*

² J. Jirásek: Přehledné dějiny literatury ruské. Josef Stejskal v Brně, Miroslav Stejskal v Praze 1945, 2-oe издание, 1946.

сумасшедшего (1837).

Й. Йирасек, хотя в его исследовании акцентируются, прежде всего, классические и традиционные черты русской литературы, не избегает и более глубокого фактографического изложения русской литературы нового времени и русского модернизма, который к нам попадал еще до первой мировой войны, но главным образом после двух революций 1917 года и в годы Советской России и СССР, зачастую в подобию авангарда и авангардизма, связанных с левой идеологией. Тем ценнее независимые интерпретации Й. Йирасека, принимающего во внимание европейский контекст русской литературы и применяющего известный „вид издали и сверху“, т. е. подчеркивающего определенную аксиологическую дистанцию. Это, разумеется, тесно связано с критическим пониманием русской литературы, русской действительности, а также политических структур России до и после первой мировой войны. Именно военные годы, находящиеся в традиционных русских изложениях скорее в тени революций и событий гражданской войны, зачастую идеологически искаженные, выступают тут как важный фактор, воздействующий на развитие русской литературы. Следует отметить, что у Йирасека они прослеживаются достаточно выразительно - новая русская история литературы свидетельствует о том, что подход Й. Йирасека был в этом отношении пророческим.³

В заключительных главах сочинения Ф. Вольмана *Славизмы и антиславизмы в весну народов* (1968)⁴ удачно представлена реалистическая, трезвая глава *Русский панславизм у „братушек“*, начинающаяся с обстоятельного анализа сочинения Людовита Штура *Славянство и мир будущего* (в немецком оригинале *Das Slawenthum und die Welt der Zukunft, Botschaft eines Slowaken vom Jahre 1855 an alle slawischen Völker*; рукопись, восходит, вероятно, к 1855 г., братиславское издание Йосефа Йирасека появилось в 1931 г.) и его русского контекста; все потом кульминирует так называемым эпитафом панславизма А. Пыпина (см. *Обзор истории славянских литератур*, 1865 г.). Интересно, что в то время как другие сочинения Штура надолго и

³ См. Анатолий Иванович Иванов: *Первая мировая война в русской литературе 1914-1918 гг.* Тамбовский гос. университет им. Г. Р. Державина, Тамбов 2005.

⁴ См. нашу статью *Slavismy a antislavismy za jara národů Franka Wollmana: analýzy a přehledy*. In: *Slavista Frank Wollman v kontexte literatury a folklóru*. I. Eds: Hana Hlôšková – Anna Zelenková. Ústav etnológie SAV, Slavistická spoločnosť Franka Wollmana v Brne, Česká asociace slavistů, Slavistický ústav Jána Stanislava SAV. Bratislava – Brno 2006, s. 103-112. Перепечатано in: *Slavica Litteraria*, X 9, 2006, s. 85-93. См. также нашу статью *Das Slawenthum und die Welt der Zukunft Ludovíta Štúra, edice Josefa Jiráska, Wollmanovy Slavismy a antislavismy za jara národů a jejich přehledy*. In: *Zrkadlenie/Zrcadlení. Česko-slovenská revue* 2006, 4, с. 34-44.

зачастую были и до сих пор есть центром внимания исследователей, его наиболее противоречивое произведение становится объектом серьезного исследования только недавно. Тем важнее представляется успешная попытка Й. Йирасека заново издать и прокомментировать его в 30-е годы XX века, в период возрастающего международного напряжения накануне второй мировой войны. Необходимо добавить, что Йирасек всегда тонко чувствовал порывы истории, резко меняющиеся общественные условия, модифицирующуюся политическую атмосферу.

Вернемся, однако, к братиславскому изданию Штура с чешскими аннотациями на полях. Следует, прежде всего, понять поэтику оригинального названия и подзаголовка, т. е. *Das Slawenthum und die Welt der Zukunft, Botschaft eines Slowaken vom Jahre 1855 an alle slawischen Völker*. Это, следовательно, призыв к народам, послание, письмо, в котором Штур обращается ко всем славянским народам, это визия, хотя утопическая, определенная программа, хотя не осуществимая, но исходящая из конкретного, может быть, слишком эмоционального анализа условий в определенный, кризисный момент славянской и словацкой истории. Противоречивые взгляды на это ключевое произведение Л. Штура, на это „опасное“ и все время провоцирующее произведение, которое усложняет роль историков и филологов и тревожит тех, кто тяготеет к более официозному образу творца словацкого литературного языка, свидетельствуют о том, что мы до сих пор не сумели воспринять его содержание и потенциальное влияние в целом, во всей широте его семантических проявлений и комплексе всех его значений.

Стало очевидным, что именно это произведение, которое впервые было издано на русском языке (издание Ламанского 1867 г., Гротта и Флоринского 1909 г., тогда превосходно совпало с возобновлением интереса к религиозной философии и неославянофильским идеям после разгрома первой русской революции – следует заметить, что, мимоходом говоря, это, как известно, и год - 1909 - издания сборника Вехи) и только позже появилось и на своем оригинальном, т. е. немецком языке (1931) благодаря Й. Йирасеку и очень поздно в словацком переводе (1993).

Братиславское издание Й. Йирасека⁵ является, во многих отношениях, интересным. С одной стороны потому, что оно напечатано как второй том серии *Источники* Ученого общества им. П. Й. Шафарика, носителя чехословакизма первой

⁵ Eudovít Štúr: Das Slawenthum und die Welt der Zukunft. Slovanstvo a svět budoucnosti. Na základě německého rukopisu vydal v původním znění, s kritickými poznámkami a úvodem Dr. Josef Jirásek. Nákladem Učené společnosti Šafaříkovy v Bratislavě vytiskla Státní tiskárna v Praze, Bratislava 1931.

Чехословацкой Республики и чешского влияния в столице Словакии, с другой, тем, что в издании принял участие, кроме Й. Бабора и О. Соммера, также известный богемист и словакист, работающий тогда в Братиславе, Альберт Пражак.⁶ Издатель благодарит за помощь, между прочим, Министерство Народного Просвещения, Министерство Иностранных Дел, выдающихся ученых и культурных деятелей Альберта Пражака, Р. Голинку и Ш. Крчмеры, а также В. А. Францева, в прошлом профессора русского Варшавского университета, позже Карлова Университета, который свою библиотеку, как известно, подарил Славянскому семинару Университета им. Масарика, Р. Голинку и Ш. Крчмеры, т. е. выдающихся ученых и культурных деятелей.

Йосеф Йирасек (1884-1972) как видный чешский русист, словакист, славист а компаративист до сих пор, к сожалению, недооценивается, подобно другим исследователям периода первой Чехословацкой Республики. Как показано выше, он обладал чутьем в изучении сравнительного фона литературных явлений, сумел рассматривать литературу в более широком культурно-политическом контексте и, следовательно, таким образом он в определенном смысле предвосхищал современные ареальные и культурологические стремления интегрировать язык и литературу в более широкие культурные комплексы. Следует отметить и то, что он оставил нам до сих пор непревзойденное произведение *Россия и мы* (1945, 1946) и другие исследования, посвященные, например, роли Словакии.⁷ Необходимо добавить, что хотя его позиция по отношению к Словакии была несколько устаревшей, его критический и реалистический взгляд все-таки позволил ему увидеть тенденции развития словацкой общественной мысли, которые проявляются здесь до сих пор. Роль Йосефа Йирасека в чешской славистике ждет своей новой оценки; эти мимолетные, скорее методологические замечания можно воспринимать как попытку обратить внимание на некоторые существенные черты его исследований.

Й. Йирасек, прежде всего, сомневается в подлинности русских изданий В. Ламанского (1867) и К. Гротта и Т. Флоринского (1909): „Pokud se týče překladu a obsahu, vzbudilo dílo po vydání druhého překladu mnoho pochybností. Především byly nápadné značné rozdíly mezi oběma překlady. Druhé vydání pozměňuje totiž nejen na

⁶ Его отношение к Словакии см. Ivo Pospíšil – Miloš Zelenka: Literární historik Albert Pražák (Paměti jako poetika povinnosti a deziluze). In: Albert Pražák: Politika a revoluce. Paměti. Eds: Miloš Zelenka – Stanislav Kokoška. Ústav pro soudobé dějiny AV ČR, Výzkumné centrum pro dějiny vědy AV ČR, Academia, Praha 2004, с. 163-190.

⁷ См., например, Slovensko: jeho dejiny, pomery zemepisné a hospodárske, jazykové, literárne a kultúrno-politické. Malý sprievodca po Slovensku. Bratislava 1922. Slovensko na rozcestí: 1918-1938. Brno 1947.

některých místech smysl slovný i větný, avšak doplňuje prvé vydání i řadou přidaných vět, a to někde i takových, jimiž se Štúrova příchyllost k carismu ještě zdůrazňuje.“⁸ С другой стороны, он думает, что произведение Штура не подделка, объясняя его возникновение естественно на основе местных условий, европейской ситуации и французских, австрийских, немецких, а также английских идей середины XIX века. Йирасек положительно оценивает это произведение потому, что Штур в нем по его мнению методологически последователен: царскую автократию, т. е. самодержавие, самовластие он предлагает как наиболее подходящий вариант государственности для всех славян без исключения: „Přiznati však nutno Štúrovi, že je v této knize důsledný, neboť navrhuje absolutismus pro všechny Slovany bez rozdílu. Kolik jich bylo u nás, kteří jej obhajovali pouze pro Rusko a doma byli zastánci parlamentarismu! Štúr činil závěr ze dvou základních předpokladů, a to 1. na Západě přivedl slovanský demokratismus Slovany k záhube, 2. na Východě pak absolutismus slovanský národ k sjednocení a vytvoření velké slovanské říše. 3. Ergo, přidržme se principu druhého, chceme-li Slovany pro jejich nesvornost a separatistické choutky zachránit. Proti tomu lze uvést: tzv. demokratismus slovanský nebyl demokratismem, jak jej chápeme my ale de facto absolutismem; lid sám měl na politickém rozhodování velmi málo účasti. Pokud se týče Ruska, je sice pravda, že se národ ruský dovedl podrobiti ideji státu, že panovníci dovedli šťastnou rukou vytvořit velkou, mocnou říši, avšak poměry byly sotva tak jednoduché, aby se dějiny Slovanů daly uvést na toto jednoduché schema. Což málo zahynulo také jiných národů, např. germánských: Gótů, Vandalů, Herulů a Langobardů? Konečně nutno mít na mysli při vzniku a vývoji státu také poměry církevně-náboženské, národní, klimatické atd. Štúr je přesvědčen, že podmínkou řádného státu je mravní kvalita občanů; Štúr klade důraz zejména na obětavost. Mám za to, že právě demokracie vyžaduje ve zvýšené míře těchto mravních kvalit a občanských ctností; rozhodně daleko více než při absolutismu. Velmi důležitou věcí pro poznání L. Štúra je otázka, z jakých čerpal pramenů. Pokud jsem je poznal, uvedl jsem je v poznámkách, a to pokud možná doslovným citátem. Mám za to, že tato konfrontace je nejjistější a nejpřesvědčivější. Obtíž právě při vyhledávání pramenů však spočívá v tom, že L. Štúr skoro nikde necituje, často ani tam, kde je formálně i věcně závislý. Jak velký to rozdíl od Šafaříka! L. Štúr vychází při své práci ze tří základních otázek, a to: 1. Jak se nám jeví Slované v minulosti, jaké mají chyby a přednosti a možno-li z toho usuzovat, že mají ve

⁸ Eudovít Štúr: Das Slawenthum und die Welt der Zukunft. Slovanstvo a svět budoucnosti. Na základě německého rukopisu vydal v původním znění, s kritickými poznámkami a úvodem Dr. Josef Jirásek. Nákladem Učené společnosti Šafaříkovy v Bratislavě vytiskla Státní tiskárna v Praze, Bratislava 1931, c. 3-4.

světové historii nějaké poslání. 2. Otázka tato vede ještě k širšímu tématu: jaké základní ideje a cíl projevuje historie lidstva vůbec v řadě první, Západ a Východ v řadě druhé a čím je posléze odlišný svět slovanský od ostatního světa neslovanského. 3. Jak možno po vysvětlení otázek předchozích dosáhnouti politického osvobození Slovanů. To je vlastně konečný účel jeho práce. Tím kniha stává se politickou.“⁹

Между прочим, Штур в трактате, написанном на немецком языке, противопоставляет Запад Востоку и на Западе находит много всяких пороков, в том числе нестабильность, неустойчивость и насильственные изменения (цитируется по изданию Йирасека с оригинальным немецким правописанием, присущим тому времени): „In politischer Beziehung stürzt der Westen aus absoluten Monarchien in konstitutionelle Staaten, aus diesen wieder in politische und zuletzt in sociale und communistische Republiken, wo dann Alles mit Auflösung der Menschheit und Vernichtung jeder Menschlichkeit endet. Diese Überstürzen hat noch das Fatale an sich, daß der Westen einmal in diesen Strudel der Bewegung dahingerissen, in demselben nicht aufzuhalten ist. Das ist kein Halt und keine Ruhe, hier will alles vorwärts, hier drängt alles, hier pocht alles, hier erblickt alles das endliche, ersehnte Glück – im Verderben! Revolutionen auf Revolutionen werden da folgen und nach einer jeden, werden die Völker des Westens schlechter daran sein, als früher. Die nachkommenden Generationen werden immer toller und schlechter, sie leben schon in dieser Luft, sie schöpfen aus ihr ihre Nahrung; die Erziehung trägt das Gepräge des westlichen Zeitgeistes; ist schlaff, matt, entsagend aus Grundsatz jeder Strenge; Verweichlichung, Genuß, Üppigkeit, tritt immer mehr an die Stelle der alten Entbehrung, des Ernstes, der alten Thatkraft: rollen also mögen die Räder des Wagens fort, denn umzukehren sind sie nicht, rollen mögen sie mit den Geschlechtern des Westens, bis nicht ein mächtiger Arm am Abgrunde sie aufhält.“¹⁰

Напротив, у русских Штур видит любовь к царю и самодержавию: „In Rußland hängt das Volk an seinem Gosudarj, dem Cären, mit unendlicher Liebe und Begeisterung, erweist ihm jeden Achtung und Ehrfurcht, die auch zum Besten des Ganzes fortbestehen und sich immerfort in dieser Innigkeit und Frische erhalten möge, unterordnet sich unter die Gebote der Cäre mit Freuden in der Übersetzung, seine Cäre könnten unmöglich Böses für das Volk anstreben, bringt bereitwillig selbst die größten Opfer dar, doch in allem diesen

⁹ Ludovít Štúr: Das Slawenthum und die Welt der Zukunft. Slovanstvo a svět budoucnosti. Na základě německého rukopisu vydal v původním znění, s kritickými poznámkami a úvodem Dr. Josef Jirásek. Nákladem Učené společnosti Šafaříkovy v Bratislavě vytiskla Státní tiskárna v Praze, Bratislava 1931, c. 7-8.

¹⁰ Ludovít Štúr: Das Slawenthum und die Welt der Zukunft. Slovanstvo a svět budoucnosti. Na základě německého rukopisu vydal v původním znění, s kritickými poznámkami a úvodem Dr. Josef Jirásek. Nákladem Učené společnosti Šafaříkovy v Bratislavě vytiskla Státní tiskárna v Praze, Bratislava 1931, c. 132-133.

findet kein Verständiger einen serwilten Zug.“¹¹ Для Штура также типична концепция русского языка как будущего единственного и общего литературного языка всех славян.

Настоящим шедевром Йсефа Йирасека является, однако, его *opus magnum*, т. е. *Россия и мы*, детальный, тщательный и материалом насыщенный анализ чешско- и чехословацко-русских отношений с их начала по 1914 год.¹² Методологию анализируемого автора, как уже частично иллюстрировано выше, можно охарактеризовать как смесь позитивистской акрибии, последовательного изучения источников, со способностью популяризации и функционального упрощения. То, что является, на наш взгляд, самым существенным – это критический подход Йирасека к чешско-русским отношениям, с одной стороны, а, с другой, положительная оценка культурной миссии России в Центральной Европе в общем и в чешской и словацкой среде в особенности. Кроме того, значительное внимание здесь уделяется филологической стороне этих отношений, которые были и сейчас считаются ядром чехословацко-русского общения в прошлом и настоящем. Несмотря на временное давление, связанное с возрастающим влиянием СССР и его идеологии, Йирасек даже в эйфории после второй мировой войны сумел увидеть и темные стороны этих отношений, их односторонность, не замалчивая известный русско-чешско-польский треугольник. (Книге *Россия и мы* предшествовало исследование 1933 года *Чехи, Словаки и Россия*, в котором уже намечены почти все основные методологические подходы и объем материала).¹³

Несмотря на начальные этапы отношений, связанные с Великой Моравией, пржемысловской Чехией и Киевской Русью, их исходным интенциональным пунктом Йирасек по праву считает эпоху Просветительства, причем самым блестящим их этапом является, по его мнению, деятельность Й. Добровского. Интересно, что Йирасек заметил и менее известные черты характера исследователя, что бросается в глаза именно в связи с новыми подходами к его личности в контексте спорных гипотез о его авторстве *Слова о полку Игореве*.¹⁴ Особое внимание уделяется личным

¹¹ Там же, с. 149.

¹² См. Josef Jirásek: *Rusko a my: dějiny vztahů československo-ruských od nejstarších dob do roku 1914*. Miroslav Stejskal a Josef Stejskal, Praha – Brno 1945, 1946.

¹³ См. J. Jirásek: *Češi, Slováci a Rusko: studie vzájemných vztahů československo-ruských od r. 1867 do počátku světové války*. Vesmír, Praha 1933.

¹⁴ См. E. L. Keenan: *Josef Dobrovský and the Origins of the Igor' Tale*. Harvard University Press, Cambridge, Mass., 2004, 541 с. I. Pospíšil: *Existence, struktura, rozpětí a transcendence staroruské literatury (Poznámky k některým metodologickým problémům)*. *Slavica Litteraria*, X 1, 1998, с. 27-37. Тот же: *Slovo o pluku Igorově v kontextu současných významů: Keenanova hypotéza a její souvislosti* (K pokusu o „nové řešení“ dávného

отношениям ученых, политических и культурных деятелей, а также геополитическому контексту австрийско-чешско-русских отношений. Центром его изложений, именно с середины XIX века, является русский и славянский аспект политики чешской официальной репрезентации. Идеиной доминантой исследования выступает идея чешской самостоятельности, независимости по отношению к России, критическое, несентиментальное отношение, которое противопоставлено романтическому пафосу раннего этапа чешского национального возрождения. В этом смысле Йосеф Йирасек продолжает особым образом идейную линию чешского реализма типа Т. Г. Масарика, идущую по следам К. Гавличека Боровского. Он, однако, видит и противоречия или же стремления чешских деятелей связать воедино романтический пафос о славянском величии, утопическом единстве во главе с Российской Империей и критический, трезвый подход. Таким образом, например, он описывает взгляды Й. Добровского: „Dobrovského názory na Rusko po stránce politické, kulturní a náboženské a j. je pro úryvkovitost jeho poznámek dosti těžko si zkonstruovat, nechceme-li je vyplňovat vlastními dohady. Poznámky samy však jsou břitké a vyznačují se bystrým postřehem: z nich na př. vidíme, že se nedal nijak uchvátit pravoslavnými ceremoniiemi a byl v tom daleko střízlivější než sám Havlíček. Jak se díval na carský absolutismus, těžko říci; dozajista však byl proti politickému panrusismu; proto byl také proti rusifikaci Polska. Chválil-li Poláky pro věrly jejich patriotismus a přál-li si, aby měli jen více vytrvalosti a rozvahy, zrovna tak byl proti jejich poruštění. A totéž myslil si o nás. „Snad by se mohlo pomýšleti též na ruštinu, až bychom se stali ruskými poddanými,“ psal Bandtkemu „a měli čísti ukazy rusky a česky, ale zatím chceme ještě česky psáti, pokud čísti a psáti česky budeme moci.“ A to psal muž, který byl nadšen velikostí Ruska, který v době svého vzrušení (таким образом, Йосеф Йирасек элегантно называет известные припадки маниодепрессивного психоза у Й. Добровского – замечание мое - ip) věřil, že bude vzkvétat české království i Polsko a že také carství ruské se rozmnoží a rozšíří až k hranicím Persie a Indie, t. j. plémě slovanské dotkne se zpětným pochodem zemí, jež původně obývalo.“¹⁵ С этим связаны и интерпретации Йирасека, касающиеся русского как единственного славянского литературного языка и возможностей использовать в русском языке латинский шрифт, которые затронули

problému původu *Slova o pluku Igorově*). Památce prof. Romana Mrázka. *Slavica Slovaca*, 42, 2007, 1, s. 37-48.

¹⁵ Josef Jirásek: *Rusko a my: dějiny vztahů československo-ruských od nejstarších dob do roku 1914*. Miroslav Stejskal a Josef Stejskal, Praha – Brno 1946, I., s. 54-55.

существенную часть чешской общественности в XIX веке и характеризовались большим подъемом эмоций.

Более геополитический аспект содержат изложения Йирасека, относящиеся к середине 19 века. Речь идет о роковом 1848 году и польских восстаниях 1831 и 1863 гг., которые разделили чешское общество на два лагеря – полонофильский и русофильский.

В своем *opus magnum* **Россия и мы** Йирасек стал предшественником современных тенденций изучения языка и литературы на более широком культурно-политическом фоне – однако, не подчинять филологию истории или же историографии как „королеве наук“, как иногда говорят сами историки. Он сумел отделить проблемы чисто филологические от политических и общеисторических, или, с другой стороны, увидеть их как совокупность явлений, в которой каждое явление освещает внутренним, глубинным образом другое. Реалистические исследования и рациональное изложение проблем свидетельствуют о том, что наша современная славистика имеет в Й. Йирасеке своего предшественника и вдохновителя в плане комплексной, тотальной славистики, исходящей из филологии, т. е. изучения языка и литературы, но трансцендирующей в сторону историографии, политологии, социологии, психологии, изучения менталитета, религии и т. д. Известно, что русские иногда недооценивают или, скорее, надеемся, недооценивали славистические и русистические исследования нерусских славистов и русистов, ограничивая их значение лишь областью их собственного языка и культуры и сферой взаимных русско-иностранных отношений или предполагая, что эти исследования имеют значение лишь для других наций. В случае Й. Йирасека мы стоим перед исследованиями, значение которых всеобщее, универсальное, так как компаративистские работы, как известно, позволяют осветить до сих пор малоизученные стороны объекта исследования, т. е., в конкретном случае, и саму русскую литературу, русский язык, их общекультурное значение и их европейскую миссию. В этом отношении необходимо и далее заниматься разными исследователями чешского прошлого - и так называемыми периферийными - серьезно, без преувеличений и эмоций, рационально, трезво и без идеологических барьеров.

Избранная литература

Jirásek, J.: Slovensko: jeho dejiny, pomery zemepisné a hospodárske, jazykové, literárne a kultúrno-politické. Malý sprievodca po Slovensku. Bratislava 1922.

Jirásek, Josef: Slovensko na rozcestí: 1918-1938. Brno 1947.

Jirásek, Josef: Češi, Slováci a Rusko: studie vzájemných vztahů československo-ruských od r. 1867 do počátku světové války. Vesmír, Praha 1933.

Jirásek, Josef: Rusko a my: dějiny vztahů československo-ruských od nejstarších dob do roku 1914. Miroslav Stejskal a Josef Stejskal, Praha – Brno 1945, 1946.

Jirásek, Josef: Přehledné dějiny literatury ruské. Josef Stejskal v Brně, Miroslav Stejskal v Praze 1945, 2. vyd., 1946.

Keenan, E. L.: Josef Dobrovský and the Origins of the Igor' Tale. Harvard University Press, Cambridge, Mass., 2004, 541 c.

Pospíšil, I.: Das Slawenthum und die Welt der Zukunft Ludovíta Štúra, edice Josefa Jiráska, Wollmanovy Slavismy a antislavismy za jara národů a jejich přesahy. In: Zrkadlenie/Zrcadlení. Česko-slovenská revue 2006, 4, c. 34-44.

Pospíšil, I.: Existence, struktura, rozpětí a transcendence staroruské literatury (Poznámky k některým metodologickým problémům). Slavica Litteraria, X 1, 1998, c. 27-37.

Pospíšil, I.: Sergij Vilinskij an der Masaryk-Universität in Brunn: Fakten und Zusammenhänge. Wiener Slavistisches Jahrbuch, Bd. 42, 1996, 223-230.

Pospíšil, I.: Slavismy a antislavismy za jara národů Franka Wollmana: analýzy a přesahy. In: Slavista Frank Wollman v kontexte literatury a folklóru. I. Eds: Hana Hlôšková – Anna Zelenková. Ústav etnológie SAV, Slavistická spoločnosť Franka Wollmana v Brne, Česká asociace slavistů, Slavistický ústav Jána Stanislava SAV. Bratislava – Brno 2006, s. 103-112. Перепечатано in: Slavica Litteraria, X 9, 2006, c. 85-93.

Pospíšil, I.: Slavistika na křižovatce. Regiony, Brno 2003.

Pospíšil, I.: Slovo o pluku Igorově v kontextu současných významů: Keenanova hypotéza a její souvislosti (K pokusu o „nové řešení“ dávného problému původu *Slova o pluku Igorově*). Památce prof. Romana Mrázka. Slavica Slovaca, 42, 2007, 1, c. 37-48.

Pospíšil, I.: Средняя Европа как перекресток литературоведческой методологии. In: Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе (Проблемы теоретической и исторической поэтики). Материалы международной научной конференции, часть 1, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно 1997, c. 3-10.

Pospíšil, Ivo – Zelenka, Miloš: Literární historik Albert Pražák (Paměti jako poetika povinnosti a deziluze). In: Albert Pražák: Politika a revoluce. Paměti. Eds: Miloš Zelenka – Stanislav Kokoška. Ústav pro soudobé dějiny AV ČR, Výzkumné centrum pro dějiny vědy AV ČR, Academia, Praha 2004, c. 163-190.

Pospíšil, Ivo: Alois Augustin Vrzal: A Catholic Vision of Slavonic Literatures. Slovak Review 1992, 2, 166-171.

Pospíšil, Ivo: Alois Augustin Vrzal: Koncepce a dokumenty. Sborník prací filozofické fakulty brněnské univerzity, D 40, 1993, 53-62.

Pospíšil, Ivo: Na výspě Evropy. Skici a meditace k 100. výročí narození A. S. Puškina. Brno 1999.

Pospíšil, Ivo: Rasanzen und Feingefühl: Zum Phänomen Mitteleuropa in der Zwischenkriegszeit. In: Litteraria Humanitas XI. Crossroads of Cultures: Central Europe, Kreuzwege der Kulturen: Mitteleuropa, Křižovatky kultury: Střední Evropa, Perekrestki kul'tury: Srednjaja Jevropa. Masarykova univerzita, Filozofická fakulta, Ústav slavistiky, Brno 2002, ed.: Ivo Pospíšil.

Pospíšil, Ivo: Srdce literatury: Alois Augustin Vrzal (1864-1930). Brno 1993.

Slovanská poezije. Výbor z národního a umělého básnictva slovanského v českých překladech. Sestavil a literárními úvody opatřil Frant. Vymazal. I. svazek Ruská poezije. V Brně 1874.

Štúr, Ľudovít: Das Slawenthum und die Welt der Zukunft. Slovanstvo a svět budoucnosti. Na základě německého rukopisu vydal v původním znění, s kritickými poznámkami a úvodem Dr. Josef Jirásek. Nákladem Učené společnosti Šafaříkovy v Bratislavě vytiskla Státní tiskárna v Praze, Bratislava 1931.

Táborský, František.: Puškin – pěvec svobody. V Praze 1937.

Vilinský, Valerij: Dílo P. Augustina Vrzala. Archa, roč. XVII, Olomouc 1929, 3, 229-238.

Vrzal, Alois: Alexandr Sergejevič Puškin. Jeho život a literární činnost. „Hlídky“ 1899.

Vrzal, Alois: Historie literatury ruské XIX. století dle Al. M. Skabičevského a jiných literárních historikův i kritikův upravil A. G. Stín. Šašek a Frgal, Velké Meziříčí 1891-1897, 952 c.

Vrzal, Alois: Nábožensko-mravní otázky v krásném písemnictví ruském. „Hlídky“ 1912.

Vrzal, Alois: Přehledné dějiny nové literatury ruské. V Brně 1926.